

Л. И. Забоева,
учитель русского языка и литературы высшей категории,
гимназии №1 им. академика Е. Ф. Карского г. Гродно

«Паганини русской поэзии». Творчество К. Д. Бальмонта

Сценарий литературной композиции

Серебряный век – это эпоха возрождения духовности и культуры, творческой свободы, эпоха ярких творческих индивидуальностей, гениальных художественных открытий.

Блестящее созвездие имен просто ошеломляет: А. Блок и М. Цветаева, А. Белый и О. Мандельштам, В. Брюсов и Д. Мережковский... Одно из таких, неотделимых от истории серебряного века имен – Константин Бальмонт. Его называли магом и чародеем слова, Паганини русской поэзии. Его стихи словно утоплены в красивой музыке. Он бесспорно обогатил культуру русской поэзии новыми возможностями воздействия на читателя. При всем этом современный читатель мало знает о Константине Дмитриевиче Бальмонте.

Сегодня мы приоткроем мир творчества этого удивительного поэта.

Ведущий:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

Так писал в стихотворении «Слово» один из великих поэтов серебряного века Николай Гумилев.

Серебряный век русской литературы – это рубеж XIX и XX веков. Название образовано по аналогии с названием «золотой век», обозначавшим начало XIX века, пушкинское время.

В начале XX столетия в России существовало множество литературных направлений. Наиболее значительные из них: символизм, акмеизм, футуризм. Они очень разные, преследуют разные цели, но схожи в одном – последовательности в работе над ритмом, словом, доведении игры звуком до совершенства.

Константин Дмитриевич Бальмонт – один из самых знаменитых в России поэтов своего времени. Его окружали восторженные поклонники и почитательницы, которые пытались подражать своему кумиру и в жизни, и в поэзии.

(На экране – фотографии К. Д. Бальмонта разных лет.)

Многие другие поэты посвящали ему свои стихотворения: Брюсов, Белый, Волошин, Лохвицкая... Они видели в Бальмонте прежде всего «стихийного гения», «вечно вольного, вечно юного» обреченного стоять «где-то там, на высоте» и полностью погруженного в откровения своей бездонной души.

Многие известные художники писали портреты Бальмонта, среди них Валентин Серов.

(На экране – портрет К. Д. Бальмонта кисти В. А. Серова.)

До поступления на юридический факультет Московского университета, из которого был исключен как организатор студенческих беспорядков, он жил в городе Шуя Владимирской губернии.

(На экране – дом в Шуре, где жил К. Д. Бальмонт.)

Был трижды женат – на Ларисе Горелиной, Екатерине Андреевой, Елене Цветковской.

(На экране – портреты трех жен поэта, семейные фотографии с его изображением.)

Параллельно у него была масса романов. Самым знаменитым из них стал роман с поэтессой Миррой Лохвицкой.

(На экране – портрет Мирры Лохвицкой.)

В честь нее он даже назвал одну из своих дочерей.

Третья жена Бальмонта, Елена, была с Константином Дмитриевичем до последних минут его жизни. Она ненадолго пережила обожаемого мужа и умерла, как и он, от воспаления легких.

(На экране – фотография К. Д. Бальмонта и Е. К. Цветковской.)

Бальмонт написал 35 книг стихов, 20 книг прозы, сделанные им переводы составляют более 10 000 печатных страниц. И хотя 93 тома его сочинений не изданы и, скорее всего, никогда не будут изданы, «исступленная любовь к поэзии, тонкое чутье к красоте стиха», необыкновенная музыкальность и способность уловить и запечатлеть тончайшие нюансы любовного чувства и настроения природы позволяют говорить о Бальмонте как об одном из самых значительных поэтов серебряного века.

(На экране – обложки книг поэта.)

Лучше всего о поэте говорят его стихи. И еще – те, кто знал его лично, был с ним близок.

Пролог

(На сцене – декорации кафе: столики, свечи, томики стихов Бальмонта, старые газеты... Ученики – актеры театра «Антей» гимназии № 1 – выходят на сцену по мере их представления ведущим.)

(Звучит музыка: Н. Паганини, Соната ми-минор. Соч. 3, №6. Аллегро. На экране – портрет Андрея Белого.)

Ведущий: Борис Николаевич Бугаев, известный под псевдонимом Андрей Белый. Развивая тезис о музыке как о главенствующем виде искусства и необходимости подчинения ему других видов, он попытался создавать литературные произведения по музыкальным законам. Один из теоретиков символизма «второй волны», разработчик нового эстетического мировидения.

(На экране – портрет О. Э. Мандельштама.)

Ведущий: Осип Эмильевич Мандельштам. Принадлежал к группе акмеистов, выступал в печати не только со стихами, но и со статьями на литературные темы. Мастер глубоких культурно-символических ассоциаций. Ассоциативные ряды пронизывают все его произведения – стихи, художественную прозу, критику.

(На экране – портрет М. И. Цветаевой.)

Ведущий: Марина Ивановна Цветаева. Она не примкнула ни к одному из литературных течений. Сборники ее стихов, следовавшие один за другим, неизменно привлекали внимание своей творческой самобытностью и оригинальностью.

(На экране – портрет В. Я. Брюсова.)

Ведущий: Валерий Яковлевич Брюсов. Много сделал для изучения русского языка. Известен как выдающийся переводчик.

В истории русской литературы навсегда остался открывателем новых путей, «искателем смутного рая», великолепным мастером стиха, доказавшим, что поэт может передать все многообразие человеческих страстей, все «сокровища», заложенные в чувстве.

(На экране – портрет Тэффи.)

Ведущий: Надежда Александровна Бучинская известна под псевдонимом – взятым из произведений Редьярда Киплинга – Тэффи. Автор талантливых юмористических рассказов, психологических миниатюр, скетчей, бытовых очерков. Тэффи никогда не относилась к разряду писателей развлекающих, смешающих. Сильный резкий характер, яркая индивидуальность ощущаются во всех ее произведениях.

(На экране – портрет М. А. Волошина.)

Ведущий: Максимилиан Александрович Волошин. Впервые выступает в печати с критической статьей о бальмонтских переводах. В этой статье Волошин заявляет себя противником «новой поэзии». Однако вскоре, после личного знакомства с Бальмонтом и другими поэтами-современниками, сам примыкает к русской символической школе. В их печатных органах начинают печататься стихи Волошина, его статьи, рисунки. Ему принадлежит ряд переводов французских поэтов и большое количество журнальных статей по литературе и искусству, главным образом живописи.

Сцена 1

За столиками в кафе сидят Максимилиан Волошин, Валерий Брюсов, Тэффи. Быстро входит Андрей Белый с газетой в руках. Прекращает звучать музыка.

Белый (оживленно): ну вот, поздравляю, господа! В русской поэзии появился свой Паганини!

(Бросает газеты на стол. Все их расхватывают. Читают вслух: «Паганини русской поэзии», «Русский Паганини-поэт».)

И кто бы вы думали? Константин Бальмонт! Он – «житель планеты Венера, Земле чуждый».

Волошин: Его вообще нельзя ни с кем сравнивать. Он весь – исключение. Можно любить только Его лично.

Брюсов (*горячо*): Нет, что ни говорите, а Бальмонт – действительно Паганини в поэзии! Ведь он преобразил старые русские размеры стиха, напевы Лермонтова, Фета, дал им новую музыку, утончил их до той нежной мелодии, где уже исчезает слово и чудится звук.

Белый: В музыкальных строках его поэзии звучит и грациозная меланхолика Шопена, и величие вигнеровских аккордов – светозарных струй, горящих над бездною хаоса!

(Входит Цветаева.)

Цветаева: Вы о ком? А, да уже слышала. Очень рада за Бальмонта! *(Садится за рояль, наигрывает мелодию.)* Его слово словно утоплено в музыке. На его стихи пишут романсы.

Голос ведущего: Бальмонту удалось поставить своего рода рекорд. Свыше полутора ста его стихотворений было положено на музыку. Композиторы Танеев, Рахманинов, Прокофьев, Стравинский, Глиэр, Мясковский писали романсы на слова Бальмонта.

(В исполнении вокалиста звучит романс на стихи Бальмонта.)

Цветаева: Потрясающая, доминирующая музыкальность! Бальмонт первым углубил аллитерацию. Мастерски нагнетает согласные.

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.

Величавый возглас волн.

Близко буря. В берег бьется

Чуждый чарам черный челн.

Тэффи: Да, это стихотворение стало визитной карточкой Бальмонта. Удивительная музыкальность, чарующее благозвучие...

Волошин: Обратите внимание на множество прилагательных, определений, эпитетов, причем зачастую сложносоставных. Они тоже придают музыкальность его поэзии. *(Читает шутливо.)*

Весь звенчатый, коленчатый, изгибистый, змеистый,

Извиво-криво-выгнутый, углистый и локтистый

Приснился мне Неведомый и как его понять?

(Присутствующие смеются. Входит Бальмонт. Все приветствуют его аплодисментами, словами-поздравлениями.)

Бальмонт: Да, вы правы, господа. Я подумал: композитор умеет обходиться без помощи слов и заражать эмоциями с помощью музыкального звука. А почему бы поэту не воздействовать на читателя звуками его стиха? Ведь звуковое воздействие может быть даже сильнее смыслового.

«А» – самый первый звук, который произносит человек. Только звук «А» вылетает сам, без усилий. «М» – основной звук закрытого рта. Это мучительный звук глухонемого, стон сдерживаемой муки. Восторженное «А» и мягкое, медовое, немеющее «М» – как в слове МАМА – два первоначала. Я создал теорию звуков, согласно которой каждый отдельный звук имеет свои музыку и смысл. «О» – звук восторга, воли, простора: поле, море, воля.

Залетевшая в комнату бабочка бьется

О прозрачные стекла воздушными крыльями,
А за стенами небо родное смеется,
И не достичь его никакими усилиями.

Но смирится нельзя, и она не сдается.
Из цветистой становится тускло бледная,
Что же пленнице делать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая, бедная!

Звуко-музыка заставляет нас переживать!

Тэффи: Да, в поэзии Бальмонта тот же блеск, та же огненная динамика, полнзвучность, что и в музыке Паганини! Ты словно качаешься в ритмах музыки слова!

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня.
Я на башню всходил, и дрожали ступени
И дрожали ступени под ногой у меня...

(На экране – картины В. Э. Борисова-Мусатова «Колокольчики», «Призраки», М. А. Врубеля «Сирень». Бальмонт подходит к Цветаевой, ведет ее и одновременно говорит. Звучит музыка: Н. Паганини, Соната ми-минор. Соч. 3, №6. Аллегро.)

Бальмонт: Мариночка, хотите, я приду к вам, минуя скучные земные тропы, по воздуху?

А там, высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.
Сколько образов, скованных жизнью мгновенной,
Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц...

Цветаева (смеясь): Да, вы по-прежнему парите в высотах и не желаете спускаться!

(Уходят вдвоем. Потом появляется Бальмонт в сопровождении трех девушек. Все вместе они исполняют причудливый танец.)

Голос ведущего: Особенный престиж Бальмонту создавал его успех у женщин. О романах Бальмонта говорила вся Москва.

(На экране – сначала фотографии трех жен (по одной), потом картины: Э. Дега «Голубые танцовщицы», В. Э. Борисова-Мусатова «Портрет жены», «Водоем», «Осенний мотив», М. К. Чюрлёниса «Зима».)

Брюсов: Вот так глубоко может лирика вскрывать тайны человеческой души! Цветаева как-то заметила, что земля под ногами Бальмонта всегда приподнята, то есть он ходит уже по первому низкому небу земли.

(Входит Мандельштам.)

Мандельштам (*прохаживаясь*): Кто? Бальмонт? Да он очень горд и заносчив. В его стихах чувствуется сплошной эгоцентризм и самолюбование. Ну, что это такое:

Я жить не могу настоящим!
Я тревожный призрак!
Я стихийный гений!
Я вольный ветер!
Я избранный,
Я мудрый, посвященный.

Его творчество – явление болезненное и чуждое русской культуре.

Волошин: Хватили вы, батюшка! Подобные аналогии есть и у футуристов. Этим они бросали вызов обществу! А для Бальмонта это игра. Он – натура в высшей степени впечатлительная, артистичная. Он играет и в жизни, и в поэзии. Игра, батюшка! Игра!

Тэффи: А может быть, его многочисленные «Я» – это не эгоизм, не самолюбование, а удивление перед богатством мира, радость открытия в себе самом и других неисчерпаемых душевных граней! Называет же он свои стихи песнопениями.

В моих песнопеньях – застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них – белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

(Входят Бальмонт и Цветаева.)

Брюсов (*обращаясь к Бальмонту*): Объясните нам причины своего успеха.

Голос ведущего: В предисловии к сборнику «Горящие здания» Бальмонт указал свой девиз: «Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь».

Бальмонт (*шутливо*): Уметь в весенний свой день сидеть над философской книгой, и английским словарем, и испанской грамматикой, когда так хочется кататься на лодке и, может быть, можно с кем-то целоваться.

Голос ведущего: Владимир Орлов писал о поэте: «При всей экзальтированности, сделанности, сверхчеловечности Бальмонт был неутомимым тружеником».

Бальмонт: Уметь прочесть и 100, и 300, и 30000 книг, среди которых много скучных.

Белый: Да, мы знаем, что работоспособность и самодисциплина ваши поистине колоссальны, что еще в юные годы вы овладели многими языками: латинским, греческим, санскритом, английским, немецким, французским, испанским, польским...

(Бальмонт выходит.)

Цветаева (*дополняет слова Белого*): Изучив 16 языков, Бальмонт говорит и пишет на особом, 17-м, «бальмонттовском».

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,

Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей
Я – для всех и ничей.

(Звучит музыка: Н. Паганини, Соната ми-минор. Соч. 3, № 6. Аллегро.)

Волошин:

Я как сон пред тобой, я как сон голубой,
Задремавший на синем цветке.
Я как шорох весны, я как вздох тишины,
Как тростник, наклоненный к реке.
Я как легкий ковыль, как цветочная пыль,
Каждый миг и дышу, и дрожу.
Я как летняя мгла, что светла и тепла,
И тебе все без слов я скажу.

Цветаева: Если б надо было дать Бальмонта одним словом, я б, не задумываясь, сказала: Поэт! Я бы не сказала так ни о Есенине, ни о Мандельштаме (*Мандельштам встает и картинно ей кланяется*), ни о Маяковском, ни о Гумилеве, ни даже о Блоке. Ибо в каждом из них, кроме поэта, было еще нечто, больше или меньше, лучшее или худшее, но еще нечто... даже у Ахматовой была молитва – вне стихов. В Бальмонте же, кроме поэта, нет ничего.

(Звучит музыка – несколько тревожных аккордов. Вбегает взволнованный Бальмонт.)

Бальмонт: У Казанского собора большая политическая демонстрация. Студентов, организаторов и активных участников поддержали бастующие рабочие, служащие, социал-демократы. Там Горький, Анненский... Казаки жестоко расправляются с демократами: топчут лошадьми, избивают нагайками всех, кто находится у Казанского собора.

(Переводит дух. Кто-то подает ему стакан воды.)

Сотни людей зверски избиты, около тысячи задержано, четверо убиты. Я чудом избежал избиения, бежал по Невскому от конных казаков.

(Все возмущенно переговариваются: «Это произвол! Беззаконие»; «Пора от слов переходить к делу». В это время Бальмонт берет листок и что-то быстро пишет, потом возбужденно читает.)

То было в Турции, где совесть – вещь пустая.
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два–три нуля, четыре негодя
И глупый маленький султан...

(Все начинают торопливо записывать за ним.)

Белый *(шепотом)*: Маленький султан... Это же Николай II... Он невелик ростом.

Волошин: А в четырех негодях безошибочно угадываются министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурор Синода...

Брюсов: Да и правящие нули можно без затруднений заменить конкретными фамилиями.

Цветаева: Надо распространить рукописные копии этого стихотворения!

Тэффи (*горячо*): Этой эпиграммой мы будем бороться за свободу идей и слова. Напомним власть имущим, что их преступления не останутся безнаказанными.

Мандельштам (*Бальмонту*): Вас вышлют наверняка. А эпиграмма ляжет в досье.

Бальмонт (*с вызовом*):

И я собравшимся, подумав, так сказал:
Кто хочет говорить, пусть дух в нем слово дышит,
А если кто не глух, пускай он словом слышит,
А если нет – кинжал!

(Все стремительно уходят.)

Сцена 2.

Волошин (*читает*): Господа, письмо от Бальмонта! «Вы спрашиваете, как я живу, что делаю. Трудные вопросы, но постараюсь дать полные и точные ответы. Однако живу ли я точно или это лишь призрак, – остается для меня самого не совсем определенным. Мое сердце в России, а я здесь, у Океана...»

(Гаснет свет. Луч «выхватывает» фигуру одиноко стоящего Бальмонта. Звучит музыка: Н. Паганини, Каприччио №5. На ее фоне поэт читает вслух.)

Бальмонт:

Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?
Я совсем остываю в мечте.
Дни мои равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.

Только шаг остается; только миг быстрокрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?

Я не прежний веселый, полубог вдохновенный,
Я не гений певучей мечты.
Я угрюмый заложник, я тоскующий пленный,
Я стою у последней черты.

Только миг быстрокрылый, и душа альбатросом
Унесется к неведомой мгле.
Я устал приближаться от вопросов к вопросам,
Я жалею, что жил на Земле...

(Звучит романс С. Рахманинова на слова Бальмонта «Ветер перелетный».
На экране – картины М. В. Добружинского «Мост в Лондоне», «Петербург 1914», «Петербург. Александрийский театр».)

Голос ведущего: Поэт очень болезненно переживал разлуку с Родиной: «...нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться. Мое сердце в России, а я здесь. Бытие неполное», – писал он в одном из писем друзьям.

(На экране – картина М. В. Добружинского «Зима».)

Голос ведущего: А в письме к матери поэт признавался: «Боже, до чего я соскучился по России. Все-таки нет ничего лучше тех мест, где вырос, думал, страдал, жил. Весь этот год за границей я себя чувствую на подмостках, среди декораций. А там – вдали – моя родная печальная красота, за которую десяти Италий не возьму».

Брюсов: Несмотря на трагизм судьбы Бальмонта в эмиграции: нужда, равнодушие соотечественников, приступы душевной болезни, бесконечные депрессии, слог его по-прежнему могуществен! Поэт словно хочет остановить мгновения, порой совсем неуловимые. Это его сближает с художниками-импрессионистами.

(На экране – картина К. Моне «Осенний свет в Аджантере».)

Тэффи *(грустно, задумчиво):* Да, импрессионисты работают быстрыми маленькими мазками. Мазки чистые. Краски несмешанные. Без плавных переходов...

(На экране – картины К. Моне «Кувшинки», «Сток сена», «Паруса», А. Сислея «Лодка во время наводнения», П. Синьяка «Порт в Марселе».)

У Бальмонта красочные эпитеты, точно мазки импрессионистов, дополняют друг друга, накладываются один на другой, как цвета и оттенки цветов на палитре живописца. *(Читает вслух медленно, задумчиво.)*

Красный парус в синем море, в море голубом.

Белый парус в море сером спит свинцовым сном...

Волошин: А как звучит его Слово! Он очень трепетно, уважительно, бережно относится к русскому Слову.

Язык, великолепный наш язык.

Речное и степное в нем раздолье,

В нем клетоты орла и волчий рык,

Напев, и звон, и ладан богомолья!

Цветаева *(очень возбуждено):* Господа! Бальмонту необходимо помочь: он болен. Но он остается Бальмонтом. Он каждое утро садится за письменный стол. Он и в болезни своей остается ПОЭТОМ! Смертельно больной, он все равно поет свой гимн солнцу – главному символу его поэзии.

Мандельштам: Солнце для него – источник жизни. И он стремится, как солнце, стать источником жизни для всех. *(Подходит к краю сцены и читает.)*

Жизни податель. Бог и создатель,

Мудро сжигающий – свет!

Рад я на пире Звуком быть в мире, –

Лучшего в мире счастья нет!

(На экране – картина М. К. Чюрлениса «Фуга» из цикла «Сотворение мира».)

Брюсов: Будем, как Солнце, оно молодое,

В этом завет Красоты!

(На экране – картина Н. К. Рериха «Радуга».)

Тэффи: Солнце у Бальмонта – это и символ жизнеутверждающей радости. Это знак победы света над тьмою.

Так, тебя воспевая, о счастье, о солнце святое,
Я лишь частично слышу ликующий жизненный смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда – молодое,
Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты для всех!

Белый: Солнце Бальмонта соединяет человека со Вселенной, где царят вечные Добро и Красота.

(На экране – картины М. К. Чюрлёниса «Мельница, «Завет бытия».)

Волошин:

Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари?
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услышала: «Гори»!

(Появляется Бальмонт, выходит на середину сцены. Звучит музыка: С. А. Рахманинов, вариация № 18 из Рапсодии на тему Паганини. На экране – картины М. К. Чюрлёниса из цикла «Сотворение мира».)

Бальмонт:

Мы должны вернуться к Солнцу,
Чтобы жить. Жить!
Все цветы созданы Солнцем!
Каждый народ создан Солнцем...
К Солнцу! Всё выше, к Солнцу!

(На экране – картина М. К. Чюрлёниса «Соната моря».)

Голос ведущего: Эпиграфом к сборнику Бальмонта «Будем как солнце» послужили слова древнегреческого философа Анаксагора: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце».

Бальмонт:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце!
А если день погас,
Я буду петь... Я буду! Петь о Солнце
В предсмертный час!

(Громко звучит музыка.)

Голос ведущего: Умер Константин Дмитриевич Бальмонт в оккупированном гитлеровцами Париже 24 декабря 1942 года.